

Ольга Пашнина

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Ольга Пашнина

Пропавшая принцесса,
или Зачет по родовой магии

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Роман

 Москва, 2014
SARMA
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П22

Серия основана в 2011 году
Выпуск 100

Художник
А. Клепаков

Пашнина О. О.

П22 Пропавшая принцесса, или Зачет по родовой магии:
Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. —
314 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-1722-3

Что делать, если ты — принцесса, давным-давно сбежавшая из дома? Влюбиться в ректора собственного университета, который вхож в императорскую семью. А если ты — неблагословленная, то есть фактически обреченная на смерть? Бросить вызов древним магам, отстаивая право на счастье. А если человек, предавший тебя, вдруг стремительно врывается в твою жизнь, разрушая все, что ты строила годами? Сражаться до победного конца. А вот если тебе в руки попадает старинный дневник с трагической историей любви, лучше отложить его в дальний ящик, потому что некоторые книги должны оставаться непрочтенными.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1722-3

© Пашнина О. О., 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ПРОЛОГ

Кэдерн, кажется, был очень зол. Я почувствовала, как меня мягко, но настойчиво уводят подальше от императора. Глаза его лихорадочно блестели при одном лишь взгляде в мою сторону. Он явно сдерживался, чтобы не устроить скандал.

Спектакль окончен? Мне можно вернуться в свои покои, или ты еще не всем представил свою «невесту»?

— Дейна, запомни, — Кэдерн оттеснил меня к стене, туда, где нас не могли слышать многочисленные гости, — ты — моя невеста. Это не игры, Дейна. Мы поженимся летом, и точка!

Он поцеловал меня, и, как всегда, я расслабилась, на миг почувствовав себя в безопасности. Руки его, которые я так любила, держали крепко, не давая вырваться. Мы целовались на виду у всех, забыв о спорах и разногласиях, и в этот вечер, ставший началом чьей-то трагедии, я впервые подумала, что у нас, возможно, все еще получится. И то, что началось как фарс, закончится красивой романтической историей.

Знала бы я, как много не учла в своих детских мечтах, — сбежала бы с приема прямо через окно.

I

Не буду больше пить! Вообще. Ни капельки, даже самой малости не буду. Чертовы идиоты с общей магии,

чтоб их дракон сожрал! Нет, конечно, день рождения Лалы с первого курса — событие невероятной важности, на котором должна присутствовать вся общага, но как теперь писать контрольную — вопрос из вопросов. Вроде все формулы мне должны быть известны, ан нет — ни одного знакомого значка, как из памяти стерло. Впрочем, именно стерло.

Не стоит пить напитки из незнакомых емкостей. По идее меня этому должны были научить. То ли не успели, то ли... А скорее, я плохая ученица, с детства не отличалась прилежанием.

Я посмотрела на Смиля — высокого темноволосого парня с неприятными, постоянно прищуренными глазами, который быстро строчил что-то на листке, и завистливо вздохнула. Вроде были на одном празднике, а я совсем расклеилась. Смиль, будто почувствовав мое отчаяние, повернулся и гаденько так ухмыльнулся. Я сразу поняла, что во всем виноват именно он. Вот...

Мысленно пообещав парню скорую месть, я вернулась к делам насущным.

Контрольная. По общей магии, будь она неладна. Два вопроса, ни на один из которых я ответить не могу.

«Перечислите основные принципы бытовых заклятий, дайте определение, приведите примеры и запишите основные формулы».

В сознании ни намек на ответ, а ведь это первый вопрос из тех, что я учила!

Люди придумали множество магических снадобий, стирающих память. Большинство из них вне закона, но небольшая часть настолько проста в изготовлении, что, как бы ни бились законники, препятствовать их использованию не могли. Наверняка именно эту гадость мне подмешали в бокал чудесного вина вчера на вечеринке.

«Разделение магии на стихийную и природную».

Ладно, они стерли мне память, но мозги не отобрали! Это просто.

«Магия делится на стихийную и природную».

Я скептически посмотрела на первую строчку. Гениально, ничего не скажешь.

Больше ничего в голову не лезло. Ответ в принципе я знала, но вот сформулировать почему-то не могла. Нет, больше точно не пью. Особенно со Смилем.

Я почти смирилась с двойкой. Пересдам. Скажу, что простыла, адски болит голова, тошнит. Не впервой. Конечно, косяков за мной достаточно, чтобы лишиться стипендии на полгода, но лекарка у нас добрая, войдет в положение.

А еще можно сказать как есть: праздновали день рождения однокурсницы, что-то подсыпали, теперь плохо, аж зубы сводит. Правда, доказать не выйдет. Эта сволочь осторожна донельзя. Следов зелья уж и не найти, наверное.

Я вдруг рассердилась на себя. До чего глупое поведение: зная, что Смиль, можно сказать, ненавидит меня, потащиться на общую вечеринку и так глупо попасться!

— Как контрольная? — ехидно прошептал парень, словно услышав мои мысли.

Сразу захотелось съездить ему по темной башке чем-нибудь тяжелым.

— Хорошо, — буркнула я и уткнулась в листок.

Оставалось еще досидеть до конца пары и не попасться профессору Нер — сухонькой и на вид безобидной, но очень строгой и эмоциональной старушке. Встреча с ней не сулит ничего хорошего, кроме отработки и долгих объяснений, почему я не подготовилась к контрольной.

Я едва удержалась, чтобы не застонать. Слава Трем Богам, через неделю зимние каникулы, практика и перерыв в бесконечной череде лекций, контрольных, практикумов, аттестаций и выволочек.

Пока я мечтала о практике, прямо перед моим носом пролетела скомканная бумажка. Она рикошетом вернулась обратно, и я поняла, что предназначалась записка именно мне.

Это оказалась карикатура, выполненная явно умелым

магом: нарисованная девочка, подозрительно похожая на меня, с такими же кудрявыми черными волосами и огромными, вечно удивленными глазами, редела, а страшная карга, символизировавшая, очевидно, профессора Нер, орала на нее, брызжа слюной и размахивая указкой.

Раздался гогот со стороны Смиля.

Я скривилась и сунула записку в сумку, чтобы никто не увидел.

— Вот идиоты, — шепнула мне Эри, сидевшая сзади. — Давай я Тару скажу, он их научит уму-разуму!

Тар... Я задумалась. Он был новым увлечением моей подружки. Здоровенный парень из отделения боевой магии, на год старше нас.

— Не надо, — шепнула я. — Смиль придурок.

— Как у тебя дела с контрольной?

Эри наверняка все сделала, с ее-то мозгами. Да и я бы сделала, если бы не Смиль. Убью его.

— Никак, — отозвалась я. — После вчерашнего плохо.

— Ты же мало пила, — нахмурилась подруга и задумчиво взъерошила свои короткие волосы.

— Это смотря что пить, — усмехнулась я.

— Дейна Сормат! — От крика профессора Нер подскочил весь ряд. — Встать!

Я послушно встала, чувствуя, что не видать мне передачи, а значит, и стипендии. Глаза Смиля горели радостным огнем предвкушения.

— Да, профессор Нер. — Я, как послушная студентка, опустила голову и приняла покаянный вид, хотя очень хотелось нецензурно выругаться.

— Дейна, что происходит в данный момент на моей паре? — почти ласково поинтересовалась профессор.

— Контрольная, — пролепетала я.

— Это вы усвоили. Замечательно. А знаете, чего нельзя делать во время контрольной?

— Разговаривать, — не стала кривить душой я.

— И это верно. А вы?

— А я разговаривала. — Я издала скорбный вздох, выражавший полное признание вины.

Впрочем, профессор Нер на своем веку повидала немало профессионалов, умеющих напускать такой вид. И к моей актерской игре осталась равнодушной.

— Идите к ректору, — бросила профессор и отправилась к своему столу.

— Но, профессор... — попыталась было я возразить.

— Немедленно, Сормат! Иначе уйдете вместе со своей подружкой!

Пришлось сгрести все в сумку и двигаться к выходу, чтобы не подставлять Эри.

— Сормат! — уже у самых дверей настиг меня крик профессора Нер.

— Да?

— Контрольную сдайте.

Вот шипастая задница демона! Я думала, забудет.

Профессор сердито поджала губы, когда увидела пустой лист, весьма неаккуратно подписанный и помятый.

— И что это?

— Листок. — Вопрос меня удивил.

— А на нем что?

— Контрольная, — ответила я. И, подумав, добавила: — Должна быть.

— И где она?

— Ее нет.

Мне уже хотелось куда угодно: в кабинет ректора, в пасть к дракону, в кипящий источник, на прием к императору, лишь бы эта старая карга оставила меня в покое. Хотя нет... на прием к императору как-то не очень.

— Так, Сормат, придется выписать вам наказание. Отнесете этот свиток ректору. И не смей распечатывать! Не для вас писано.

Она сунула мне в руки небольшой свиток с преподавательской печатью. Я знала, что это бланк на наказание, которое определяет ректор, но ни разу еще за три с лишним года учебы мне его не выписывали. Ощущение, что

дня сквернее этого быть не может, прочно укрепились в душе.

Выходя под пристальным взглядом профессора Нер, я мечтала только об одном: оказаться в своей уютной комнате и немного поспать, пока не пришла Эри.

Наверное, во мне еще оставались крохи от той послушной девочки, какой я была в детстве, потому что вопреки желанию я направилась в подвал, где восседал господин ректор.

Перед дверьми его кабинета я остановилась, переводя дыхание.

Кэдерн Элвид, ректор Риверского магического университета. Один из двенадцати ректоров, входящих в научный совет императора, близкий друг Сертана XV. Родовая магия смешанная, наполовину темная, наполовину светлая. Суров, строг и импульсивен, как говорят старшекурсники. Лично из моего окружения никто с ним знаком не был.

Вот уж не думала я, что выходка Смиля будет грозить мне ректорским наказанием. А Смиль? Предполагал ли он такой благоприятный исход? Вряд ли.

Я постучалась, едва не отбив костяшки пальцев о холодное дерево. Неизвестно, услышал меня ректор или нет, но двери медленно открылись.

Ректор, явно уставший, заваривал чай.

Он был выше меня на целую голову, хотя я не могла сказать, что обладаю маленьким ростом. Длинные медные волосы ректора были собраны в хвост, пиджак небрежно брошен на диван, а рукава парадной рубашки закатаны до локтей. Широкие плечи внушали особое уважение. И хотя страх перед ним был скорее иррациональный, нежели продиктованный какой-то реальной опасностью, я не могла заставить себя вымолвить ни слова. Просто стояла и смотрела, как мужчина спокойно наливает себе чай, садится в кресло и поднимает на меня глаза.

Медные, кстати, как и волосы, глаза. Внимательные.

— Я вас слушаю, девушка.

Он заметил в моей руке свиток и коротко кивнул, приказывая отдать его.

— Садитесь. — Он указал мне на кресло, и я послушно села.

Кэдерн Элвид развернул свиток, пробежал его глазами и удивленно на меня посмотрел.

— Сормат? С третьего курса, магический туризм? Во имя Трех Богов, что вы натворили? С вашей специальности я еще ни одного студента с такой бумагой не видел!

Я потупилась.

От старшекурсников приходилось слышать, как проходят аудиенции у ректора. Он очень внимательно рассматривал каждое нарушение и учитывал буквально все — от среднего балла до внеуниверситетских достижений.

— Вас как зовут? — мягко спросил он.

— Дейна.

— Это полное имя?

— Да. — Я почему-то вздрогнула. — Дейна Сормат.

— Кто родители?

— Алан и Агрона Сормат, портные.

— Местная?

— Да, господин Элвид. У нас дом в Старой Ривере.

— Хорошо.

Он щелкнул пальцами, и на стол упала небольшая коричневая папка с моим именем и фамилией на корешке. Личное дело — поняла я.

— Итак, Сормат. Третий курс, специализация — магический туризм. Поступила в последней десятке, на шестом месте, со ста восьмьюдесятью баллами в общем зачете. Провалилась на истории, неплохо сдала этикет. Средний балл — три целых шестьдесят одна сотая. Научной работы нет, дисциплинарных проступков восемьдесят пять баллов из допустимых ста, внеучебных достижений нет. Наград, грамот, стипендий, премий и благодарностей не имеет. Негусто, Сормат.

Я похолодела. Не знала, что у меня восемьдесят пять баллов дисциплинарных проступков. Еще пятнадцать до ста — и отчисление.

Меня вдруг резко затошнило; любой свиток ректорского наказания — двадцатка. Пять процентов превышения!

— Вижу, вы понимаете, в каком вы положении, — кивнул ректор. — Давайте разберемся с претензиями профессора Нер. Здесь написано, что вы разговаривали на контрольной, это правда?

— Да, — кивнула я, чувствуя, как дрожат руки.

— Значит, два балла нарушения есть. — Ректор записал в таблицу свитка два балла. — Далее идет невыполнение обязательного задания, пять баллов.

— Да, я не написала контрольную.

— Это вторая попытка?

— Первая. — Я говорила совсем тихо, опустив голову.

— Значит, ноль. Баллы записываются только со второй невыполненной работы.

Я облегченно выдохнула: забрезжила надежда. Меня все еще могли выгнать, но теперь был шанс, что сумею удержаться в университете. Вот только был ли шанс доучиться оставшиеся два года с таким мизерным запасом дисциплинарных проступков?

— И тринадцать баллов за хамство в разговоре с профессором. Дейна, вы хамили профессору Нер?

В голосе ректора слышалось неподдельное удивление.

— Нет. — Я подняла на него испуганные глаза. — Нет!

— Хм, возможно, имела место ошибка... Стоит проверить.

Он лениво махнул рукой, и в комнате образовалось туманное пятно, которое вскоре преобразилось в картину недавней сцены.

Профессор Нер смотрела на меня так, словно я была каким-то насекомым, случайно залетевшим в ее идеально

чистый и новый дом. Насекомым шумным, противным и маленьким.

— И что это?

— Листок. — Теперь я уже явственно слышала хихиканье студентов, которым мой ответ почему-то показался забавным.

— А на нем что?

— Контрольная... Должна быть.

Явный хохот. Почему тогда я не уловила даже отголоска всеобщего веселья?

— И где она?

Остальные студенты откровенно посмеивались, наблюдая за ситуацией.

— Нет.

— ...Что ж, — Кэдерн развеял иллюзию, — я не усматриваю в этом каких-либо нарушений. Хотя вам, Сормат, стоит подумать о своем будущем. Я записываю на ваш счет семь баллов. В итоге методом нехитрых вычислений получаем, что вам остается... восемь баллов до отчисления. Вы понимаете, в какой вы ситуации?

— Да, господин ректор. — В своих словах я была совершенно не уверена.

— Мне кажется, нет, — отрезал Кэдерн.

А я-то понадеялась, что отделалась легко.

— Дейна, я являюсь ректором вот уже десять лет. И никто на моей памяти не подходил к середине третьего курса с таким количеством нарушений. Я понимаю, вы — приемный ребенок, единственный и поздний. Ваши родители бедны, у вас было трудное детство — да, я в курсе, как во вверенном мне учебном заведении относятся к детям бедняков, — и весьма непростое студенчество. Но, Дейна, вам всего лишь девятнадцать и впереди долгая жизнь. Вы не лишены способностей, а значит, могли бы сделать прекрасную карьеру в выбранной специальности. Но с вашим поведением... Это невозможно описать. Давайте взглянем. — Он перелистнул страницу папки. — Первый курс: разговаривала на паре по физической подготовке,

нецензурно ругалась в музыкальной аудитории, не выполнила требований преподавателя. Двадцать пять баллов. Второй курс: нарушение режима — три раза, невыполнение домашних заданий — два раза, неподобающий внешний вид — пять раз. Тридцать баллов. Третий курс: нарушение режима — три раза, невыполнение домашних заданий — четыре раза, курение в неустановленном месте, нарушение часа тишины, самовольная отлучка с занятий, прогул, разговоры на паре, невыполнение задания. Тридцать семь баллов.

Ректор отложил папку и посмотрел мне в глаза.

— Что происходит, Сормат?

Не могла же я ответить: «Это все Смиль и его дружки, которые жутко меня ненавидят».

— Я жду. Отвечайте. Почему вы так безобразно себя ведете? Вы понимаете, что восемь баллов — это недостаточно, чтобы нормально закончить учебу?

Я кивнула.

— В среднем студент получает около десяти баллов нарушений за год, даже если это добросовестный студент. Невозможно все успевать, и наша система это учитывает — при нормальном темпе учебы студент получает свои пятьдесят баллов и в дальнейшем не имеет проблем с трудоустройством. Более нерадивые студенты имеют от пятидесяти до семидесяти баллов. Но никто на моей памяти не имел больше девяноста. Вы в своем роде рекордсменка, Дейна.

Я ошибалась — этот день *мог* быть хуже.

— Я буду стараться, господин ректор. Я окончу университет.

Он тихо рассмеялся, и я вздрогнула.

— Вы, Дейна, очевидно, попали в поле зрения профессора Нер. Она дама в возрасте и... весьма злопамятна. Вы понимаете, что жалкие восемь баллов сумеете набрать за какую-то пару недель? Еще до зимних каникул вы окажетесь среди отчисленных. И не просто отчисленных, а отчисленных по дисциплинарной статье.

— И что мне делать? — Я упрямо вскинула голову, вдруг разозлившись. — Вы мне все это говорите для того, чтобы я собирала вещи, или хотите предложить способ все исправить?

— Исправить? — поднял брови ректор. — Дейна, это нельзя исправить. Чем вы думали, когда нарушали правила? Вы учитесь не в последнем университете империи. У достаточно квалифицированных преподавателей. Живете в благоустроенном общежитии, питаетесь бесплатно, получаете стипендию. Вам оплачивают отдых и практику, вы получаете канцелярские принадлежности и книги, а также форму, которая позволяет вам тратить на одежду мизерное количество средств. Вы получаете лечение у хороших врачей. Что, Дейна?! Что мешает вам вести себя как добропорядочная, скромная и спокойная студентка?

Вероятно, мое молчание его напрягало. Потому что сейчас ректор выглядел не таким спокойным, как в начале нашего разговора.

— Делайте что-то, Дейна. Иначе я буду вынужден попроситься с вами. — Кэдерн замолчал и уставился на меня.

— Что делать? — Я растерялась от внезапного перехода.

— Что-нибудь. Вы что, хотите вылететь?

— Я не хочу. У меня еще восемь баллов есть, что я еще могу сделать? Только вести себя лучше.

Очевидно, ректора мой ответ не удовлетворил. Воцарилась тишина.

— Мы иногда снимаем штрафные баллы, — наконец сказал он.

Я встрепенулась.

— Снимаем, — подтвердил он. — За особые заслуги.

Я непонимающе уставилась на него, но где-то на краешке сознания та Дейна, которую я усиленно прятала, все поняла.

— Заслуги? — переспросила я.

— Заслуги, услуги... Какая разница?

— И сколько баллов вы снимаете за... заслуги? — Я, как

мне показалось, покраснела и в этот момент остро возненавидела себя.

— Половину от имеющегося количества.

Половину. Я потрясенно замерла. Это сорок шесть баллов. Пятьдесят четыре свободных балла до пятого курса! Вот что следует называть путевкой в жизнь, а не одноименные услуги свах и сводниц империи.

Медные глаза глядели на меня с интересом и ожиданием.

— Чего вы от меня хотите? — устало выдохнула я. — Скажите прямо, как мне быть, господин ректор.

— Сормат, вы умная девушка. Красивая, молодая, талантливая. Подумайте сами: восемь баллов против пятидесяти. Это серьезно.

— Серьезно, не спорю. Весь вопрос в том, что именно придется делать. Вы знаете, вся эта внеучебная деятельность... Актриса я никудышная. Пою плохо, организаторскими способностями не обладаю. Не рисую, не танцую. Пишу неграмотно. Только колдую неплохо, но тем и ограничиваюсь. Я не понимаю, какую пользу могу принести университету.

Кэдерн поднялся, присел на краешек стола передо мной и посмотрел на меня сверху вниз. Он выглядел... впечатляюще, большего я сказать не могла. У меня перед глазами до сих пор стояла перспектива отчисления, так что смысл его взглядов и жестов до меня дошел слишком поздно.

— Быть может, вы можете принести пользу руководству университета? — проникновенно спросил Кэдерн.

— Вам? — уточнила я.

— Мне, — согласился ректор. — Лично.

И что-то в этом «лично» было такое, отчего плотину гнева, зародившегося во мне еще утром, прорвало. Я с трудом удержалась от заклятия или оплеухи. Вскочила так стремительно, что Кэдерн отпрянул.

— Как, — я на миг задохнулась, — как вы вообще посмели хотя бы намек сделать?! Я, по-вашему, кто — бульварная девка? Я что, похожа на шлюху?

— Дейна, успокойтесь, — усмехнулся Кэдерн.

— Вы отвратительны! Да, у меня проблемы, да, я не могу с ними справиться без чужой помощи. Но...

— Дейна! — рывкнул ректор. — Успокойтесь, ради Трех Богов! Я не собирался вам предлагать ложиться в мою постель, я собирался попросить вас заняться канцелярией лично для меня. Это должен выполнять архивариус, но он, увы, не может. Я собирался предложить вам работу на выходных. Неофициальную, но оплачиваемую списанием баллов. А вы, что довольно глупо, истолковали все по-своему. Теперь я, кажется, понимаю, почему у вас такие проблемы с дисциплиной. Научитесь сначала думать, Дейна, а потом кричать.

Вот тогда я действительно густо покраснела и отвела глаза. Я еще не попадала в более глупую ситуацию.

— Простите меня, — снова опустила голову, — я не так поняла.

— Я заметил, — сухо откликнулся ректор. — Так что, канцелярская работа вас устроит?

— Конечно, спасибо. — Я быстро закивала.

— Тогда в субботу я жду вас в своем кабинете. В двенадцать. Попрошу не опаздывать.

— Да, господин ректор. — Я встала. — Можно идти?

— Идите, Сормат. И постарайтесь не заработать еще штрафных баллов, не то мне все-таки придется вас отчислить.

— До свидания.

Я выскочила из кабинета и едва не вприпрыжку побежала в общежитие. Визит к ректору давал мне право не возвращаться на урок профессора Нер, а идти сразу на следующую пару. А поскольку пара этой старухи у нас до обеда была единственной, я поспешила в общежитие.

Заварить чай и успокоиться было единственным, чего я хотела.

Я мрачно смотрела, как Эри заливисто хохотала, едва не падая с кровати. Пожалуй, не стоило ей рассказывать о сцене в кабинете ректора.

— Дейна, твою мать, — Эри ржала, не постесняюсь этого слова, как конь, едва не хрюкая. — Ты — шедевр! Он теперь тебя точно не забудет.

— Я думала, он меня выгонит, — призналась я.

— Отделалась бумажной работой, — вытирая слезы, уже серьезно сказала Эри. — Повезло. Ты и вправду была на грани отчисления.

— Точно.

За окном пошел дождь, совсем не соответствовавший концу декабря. Интересно, как я поеду на практику, если дороги развезет. Ни один экипаж не пробьется в ту глушь, куда меня приняли.

— Что там со Смилем? — спросила Эри. — Он так выпендривался, когда прозвенел звонок. Нес что-то там на счет тебя и старых счетов.

— Смиль, скотина, у меня получит. Он что-то подмешал мне вчера. Я не вспомнила ни один ответ!

По глазам Эри я поняла, что она мне не очень-то поверила.

— Может, билет неудачный?

— Первый и девятнадцатый вопросы.

— Ой...

Эри, жившая со мной с самого первого курса, знала и то, как хорошо я учу билеты, и что уж точно не могу забыть ответы из самого начала. Первый и десятый билеты! Не могла я их забыть, не могла!

— Убедила, — хмыкнула подруга. — И что делать будем? Может, Тара позвать?

— Да отстань ты со своим Таром, — отмахнулась я. — У меня восемь баллов резерва. Надо ждать удобного случая поквитаться со Смилем.

— И когда же он, по-твоему, наступит?

— Наступит, Эри, не волнуйся. Смиль слишком самоуверен, чтобы ожидать от меня гадости. А мы с тобой терпеливые.

В коридоре послышался звук торопливых шагов, а в следующее мгновение дверь распахнулась, явив нам на-

голо бритого голубоглазого Тара. Недовольного, мокрого и угрюмого.

— Привет, Дейна, — поздоровался он, едва окинув меня взглядом.

И уставился на Эри.

— Мы идем?

Подруга лишь отмахнулась:

— Подожди, Тар, я разговариваю. — И уже мне пояснила: — Мы собирались пойти гулять.

— А как же физическая подготовка?

После обеда была всего лишь одна пара, зато самая любимая.

— Да брось! Дождь идет, никто не заставит нас бегать в такую погоду. — Эри схватила пальто. — Только не делай ничего со Смилем, пока меня не будет.

Я скривилась.

Дверь за подругой захлопнулась.

Мне, вопреки ожиданиям Эри, Тар нравился. Он идеально подходил ей, веселой и активной. Спортсмен, боец, не лишен интеллекта и природных способностей, галантен и на удивление адекватен. Помнится, мне он даже нравился курсе на первом, но я была слишком поглощена собственными проблемами, чтобы устраивать личную жизнь. А вот Эри пару месяцев назад (хотя нравилась она Тару куда дольше) соизволила обратить внимание на парня. Пока у них все шло хорошо, и я очень надеялась, что так оно и останется.

Я машинально пригладила непослушные кудри, рассеянно отметив, что опять получу замечание от тренера за неподобающий внешний вид. Впрочем, он мужик добрый, не станет мне баллы записывать. Тренер Ритриц, наверное, единственный человек во всем университете, который ни разу мне дисциплинарных нарушений не записал. Может, потому, что хотя бы на его парах я была в десятке лучших, а может, потому, что он никогда не был профессором.

Впрочем, Эри была права — в такую погоду нас точно

не выгонят на улицу, а в самом университете после летней сессии спортивный зал еще не отстроили. Там у нас летом боевые маги практику сдавали, завалили всем составом. И сессию, и зал, и еще пару человек, которым не посчастливилось в этот момент там находиться. Жаль, я этого не видела, дома гостила.

Дурацкая в этом году была зима. Вроде как уже должна вступить полностью в свои права, а снега еще кот наплакал. И как тогда Новый год праздновать? Без традиционного турнира по снежкам? Впрочем, надежда еще, конечно, оставалась.

Я часто маялась от скуки в конце семестра. Сдавала все вовремя, хоть и не с самыми лучшими баллами, наблюдала за «хвостатыми» студентами, удивляясь, как можно нажить столько долгов и почему их еще не отчисляют. Работа, которую я брала обычно, конечно, увеличивалась: заказы на каллиграфию были сплошь поздравительными и позитивными, но этим дело и ограничивалось. Вечерами я подписывала многочисленные открытки, отправители которых хотели, чтобы их поздравления были идеальными, а днем, между парами, обычно сидела в библиотеке, читая, в кои-то веки, художественную литературу.

Но сейчас читать не хотелось. В памяти постоянно всплывал разговор в кабинете ректора. Стыд вспыхивал каждый раз, когда я прокручивала последние минуты разговора. Но что-то еще не давало мне перестать думать об этом и порадоваться возможности получить полтинник резерва.

Что именно, понять было сложно.

— Спую тебе я песню... о пропавшей принцессе, — надрывалась в душе Эри. — Что зимой, в стужу...

— Упала в лужу! — рявкнула я. — Эри, у меня работа, не могла бы ты потише?

— Зануда! — крикнула в ответ подруга.

Пары после обеда и правда не было. Тренер долго сокрушался о потерянном времени, отвлекая меня от созер-

цания толпы студентов-театралов, которые возвращались после репетиции и до сих пор выглядели, как бродячие циркачи — магия изменения внешности оказалась крепче, чем в прошлой партии. Но все-таки отпустил, убедившись, что до звонка дождь точно не закончится. Остаток времени я провела за работой, радуясь, что с заработка вполне смогу купить родителям хороший подарок на Новый год.

«Дорогой Леон!

Посылаю тебе открытку в память о произошедшем летом. Твоя Арлин».

Я даже поперхнулась. Уж не императорскому ли сынку открытка предназначена?

Клякса упала прямо на старательно выведенное имя. Я выругалась.

Быстро убрала грязь и дописала поздравление. Какое мне дело до какого-то Леона и его Арлин? Не факт, что это наследник, быть может, совершенно другой Леон, живущий в маленькой деревеньке, летом отправляющийся на заработки в чужие края, а днем сидящий подле матери, охотник и защитник.

Деревенскому паренку — да каллиграфическую открытку за три золотых?

Ну ладно, может... может, это городской франт, путешествующий по дальним краям на деньги, полученные в наследство.

В дверь громко постучали, и клякса снова упала на открытку несчастного Леона. Не везет бедняге сегодня.

— Открыто, — крикнула я.

В проеме показалась рыжая голова Коля — главы организационного комитета. Первокурсник Коль с магической юриспруденции был идеальным организатором, благодаря его бурной деятельности у нас появились музыкальные инструменты, бесплатные курсы вокала, отремонтированная площадка для выступлений и угощения на репетициях.

— Привет, Сормат! — Он подмигнул мне и помахал в воздухе какими-то бумажками.

— Привет, Коль. — Я наконец закончила Леонову открытку и бросила ее в кучу уже готовых. — Ты по делу? Или чайку?

— От чая не откажусь. — Довольный Коль уселся на кровать Эри. — А вообще по делу. Хочешь два бесплатных билета на Новогодний бал?

— Бесплатных? — Я усмехнулась, наливая ароматный чай в запасной стакан. — Бесплатно, дорогой Коль, от нашего оргкомитета ничего не бывает.

— Так хочешь пойти или нет? — насупился первокурсник.

Хочу ли я? На Новогодний бал, вечеринку для элиты университета? Для отличников, активистов, детей спонсоров и победителей конкурсов? На вечеринку, где студентам разрешается выпить шампанского, где по-настоящему весело и интересно? Хочу ли я туда пойти, да еще и прихватить с собой кого-нибудь?

— Цена вопроса? — усмехнулась я.

— Сыграешь три композиции, — незамедлительно ответил Коль.

— На новом рояле?

— Обижаешь, Сормат. Разумеется.

Я сделала вид, что задумалась. Перспектива не только посетить Новогодний бал, но и выступить на нем вдохновляла.

— По рукам!

Коль просиял и махом выпил целый стакан горячего чая.

— Класс! Выступишь после танцоров. Композиции на твой выбор, но «Зимнюю» сыграй обязательно. И еще... — Он что-то бросил в мою сторону.

Машинально я поймала предмет, который оказался ключом.

— Это от репетиционного зала, — пояснил Коль. — Ре-

петируй, когда там свободно. Правда, в основном, по вечерам.

— В любое время? — спросила я.

— В любое. Кэдерн поставил звукоизоляцию, тебя никто не услышит.

Коль положил на столик два билета на бал. В этом году они были оформлены в черно-белых тонах. Близняшки-художницы Ирма и Лела превзошли сами себя, рисунок, на котором была изображена танцующая девушка, выглядел так, будто это была иллюзия, запечатленная магом.

За Кодем уже захлопнулась дверь; уговорив меня выступить, он счел возможным завершить визит вежливости.

— Кто приходил? — Счастливая и уставшая Эри вылезла из душа.

— Коль. — Я показала на билеты. — Звал выступить на балу.

Подруга широко улыбнулась:

— Здорово, что ты пойдешь, Дейна!

Эри, как отличница, из года в год имела право на посещение бала. Впрочем, право платное, так что второй билет пришелся весьма кстати.

— Держи. — Я протянула ей листок.

— Ты никого не позовешь с собой? — Эри округлила глаза.

— Кого? Я же ни с кем не встречаюсь. Да и не дружу ни с кем, кроме тебя.

— Но... это хороший повод с кем-нибудь познакомиться, верно? Я имею в виду, что у тебя есть два билета и можно кого-нибудь пригласить... просто потому, что они есть.

— Эри, я хочу пригласить тебя. У тебя что, лишние деньги? Кстати, Тар пойдет?

— Пойдет, — просияла Эри. — Он меня пригласил и почти заплатил за мой билет.

— Почти?

— Ну если ты даешь мне билет, ему не надо будет платить.

— Вот и славно, сэкономим Гару стипендию.

Глядя на счастливую Эри, я поняла, что все сделала правильно. Ничто не принесет мне больше радости, чем видеть счастливую подругу. Эри была одной из немногих людей, которыми я дорожила и за которых безумно боялась.

— Спою тебе я песню... — мурлыкала Эри, переодеваясь в ночную рубашку.

— Ради Трех Богов, — поморщилась я, — не пой эту ужасную песню.

Эри звонко рассмеялась. Уходя в душ, я слышала, как она снова что-то запела, на этот раз веселое и энергичное. Да, конец первого семестра у нас всегда наполнен приятным предвкушением праздника.

На рояле меня научила играть госпожа Лин — молодая учительница музыки. Она постоянно жила у нас, обучая игре и меня, и сестру. Еще она, кажется, преподавала кулинарию и бальные танцы, но мне было рано ходить на такие уроки. Я любила играть на рояле в детстве, но в юности совсем забросила это занятие и вернулась к нему лишь в конце первого курса. Тогда у нас еще был небольшой магический рояль, он помещался у меня на коленях и звучал так, словно находился на волоске от гибели. Теперь, отчасти благодаря стараниям Коля, отчасти благодаря ректору, который после трех побед вокалисток на имперских конкурсах раскошелился на новые инструменты, посреди репетиционного зала стоял красавец-рояль, сделанный и звучащий без малейшего участия магии.

Я, вопреки логике, старалась ступать тихо. У меня было разрешение на ночные репетиции, был ключ от зала, но я все равно чувствовала себя преступницей, вторгающейся в чужие владения. Мне казалось кощунственным нарушать эту тишину звуками музыки. Но та часть сознания, что была далека от всего романтического и мистиче-

ского, требовала репетировать. За две недели до бала я, конечно, успею как следует выучить три композиции, но все же стоит работать.

Страхнув оцепенение, я села за инструмент и еще минуту привыкала к нему. Прикосновение к темному дереву пробудило далекие детские воспоминания, и на кончиках пальцев зажглись голубые огоньки. Больших трудов стоит магу заставить себя играть руками, не применяя заклятий, но я наострилась еще в детстве.

Первые звуки показались мне неестественно громкими, но, по мере того как пальцы вспоминали мелодию, я привыкала к этому залу, наполненному музыкой, и понимала, что так и должно быть. Я играла «Зимнюю» — мелодию, написанную лет триста назад специально к новогодней суете. Мелодия была спокойная и грустная, как медленно падающие хлопья снега, кружившиеся в свете фонарей.

С каждой нотой, с каждым аккордом я играла все увереннее, плавней и красивее. Мне казалось, что меня слышит весь университет, хоть это было и не так.

На миг — на маленький миг — я очутилась в детстве, на уроке музыки, когда госпожа Лин разучивала со мной пьески.

— Госпожа, вы сегодня хорошо сыграли, — говорила госпожа Лин. — Я расскажу об успехах вашему отцу, уверена, он будет рад.

Отец не был рад. Ему плевать было на мои успехи.

Я остановилась очень резко, оборвав мелодию не так, как должна была. Настроение пропало.

Звук аплодисментов заставил меня вздрогнуть.

Из темноты колонны вышел мужчина. Он тихо хлопал, не отрывая от меня взгляда медных глаз.

— Господин ректор, — удивленно воскликнула я, — вы меня напугали!

— Простите, — усмехнулся Кэдерн, — не хотел.

— Давно вы здесь?

— Со второго куплета. Просто шел мимо и решил по-

слушать. Вы хорошо играете, Дейна. Гости бала будут в восторге.

Ах, он уже знает. Ну, естественно, кому же, кроме него, знать, кто выступает на таком мероприятии...

— Инструмент очень хороший, — буркнула я.

— Инструмент — далеко не все для музыки, — возразил Кэдерн. — Огромную роль играет музыкант.

— Тем не менее наши музыканты не могли сыграть ничего путного, пока вы не купили этот рояль.

— Ваша правда, Дейна, — рассмеялся Кэдерн. — Я считал разумным приобрести некоторые инструменты. Отчасти из-за вас.

— Из-за меня? — Я растерялась.

— Вы хорошо играете, что в этом удивительного?

Ректор уселся на один из немногочисленных стульев по ту сторону рояля.

— Я думала, это Коль выбил деньги.

— Коль... Коль молодец, он увлечен настолько, что я ему верю. Что до денег, милая Дейна, — университет может позволить себе миллион таких роялей.

Я ошеломленно уставилась на ректора.

— Тогда почему Коль бьется практически за все? Рояль, другие инструменты, сцена, курсы?..

— Ценность чего-либо, Дейна, познается только тогда, когда это «что-то» досталось тебе трудом. В университете вы учитесь не только магии и профессии, вы учитесь жизни в том числе. Я хочу, чтобы каждый студент знал цену благ, которые получает.

— Но ведь, — я лихорадочно придумывала, что бы такое сказать, — цену инструментам, курсам и сцене знают только те, кто участвовал в их закупке и поиске. Как быть с остальными? Кто не интересуется сценой?

Кэдерн странно улыбнулся, словно бы ободряюще.

— Кто сказал, что у меня в запасе только одна методика обучения? Каждому свое.

Я молчала, гадая, с чего бы ректору так откровенничать со мной. До этого дня я видела Кэдерна лишь на об-

щих собраниях и праздниках, мельком здоровалась в коридоре, да на первом курсе получала грамоту за помощь в эвакуации деревни. Тогда еще сели сходили с гор, во время летних каникул, а я как раз была свободна. Вот и все наши встречи, по пальцам можно пересчитать.

— Я вам мешаю, Дейна? — как-то грустно спросил ректор.

Я даже на мгновение растерялась.

— Нет, не мешаете.

— Сыграете что-нибудь еще?

Я мысленно прошлась по всем композициям, разученным ранее. Еще предстояло выбрать несколько для выступления.

Когда я уже собралась играть «Мятежную», Кэдерн вдруг попросил:

— А сыграйте «Принцессу».

— Я... не знаю эту композицию. — Не признаваться же ему, что я старательно избегала этой песни с самого детства.

— Жаль. Тогда давайте «Мятежную».

Он что, знал, что я собираюсь играть? Скорее, конечно, угадал. Или просто желания совпали. Забавные бывают совпадения.

Музыка была тревожная, напряженная, но мне почему-то сделалось весело. Первый раз в жизни я допустила, чтобы на репетиции был слушатель, и первый раз в жизни не сбивалась, восстанавливая в памяти давно забытую мелодию.

— Спасибо, Дейна, — тихо поблагодарил Кэдерн, когда затих последний звук. — Вы прекрасно играете. Думаю, вас ждет успех на балу. Теперь извините меня, я должен идти.

— До свидания, — откликнулась я, удивляясь, что испытываю сожаление от его ухода.

— Дейна... — В дверях ректор остановился.

— Да?

— Какого цвета будет ваше платье на празднике?

Я моргнула. Вот уж какого вопроса не ожидала...

— Белое... наверное, — сказала я. — Я еще не купила.

И когда Кэдерн, кивнув, вышел, до меня дошло: у меня не было денег на платье. Вообще.

Проблема ограниченности денежных ресурсов с этого момента занимала меня постоянно. Проблем, собственно, было две: отсутствие вообще какого-либо платья и отсутствие денег на новое. Стипендия, выдаваемая первого числа каждого месяца, и то не покрыла бы расходы. Я смотрела на счастливых студентов, предвкушавших бал, на преподавателей, к концу семестра ослабивших контроль, и думала, что дела мои плохи.

А еще я постоянно думала о Кэдерне и, зная, к чему все идет, старалась загрузить себя работой. Увы, те деньги, что зарабатывала каллиграфией, я могла даже не откладывать — месяца два нужно, чтобы на приличное платье накопить. Естественно, с каждым днем, приближавшим меня к заветному празднику, я становилась все мрачнее и мрачнее, что не могла не заметить Эри. А я старалась избегать любых упоминаний о бале, отговариваясь то суевериями, то делами, то неважным самочувствием. Впрочем, через неделю после начала репетиций Эри все же отловила меня в обеденный перерыв, буквально силой усадила рядом с собой и начала допрос.

— Дейна, ты вообще пойдешь на этот бал? — Шепча так, что слышали все в округе, Эри заставляла меня чувствовать себя неловко.

— Пойду, Эри, — в сотый раз ответила я.

— Тогда почему ты не желаешь готовиться к нему вместе?

— Потому что я занята. Эри, у меня восемь баллов до отчисления. Я хожу буквально по канату, натянутому над пропастью. На это уходят все силы. А еще я репетирую и работаю у ректора. Ты же помнишь, что он заставил меня разбирать архив личных дел за последние сто лет?

Эри надулась:

— Да, но...

— Я бы рада со всеми вами гулять, болтать, веселиться, но у меня слишком много дел.

— Ты даже не купила себе платье! — Эри бросила последний аргумент.

— Купила, — слова вырвались у меня прежде, чем я их обдумала, — просто его не привезли.

— Да? — Эри с сомнением посмотрела на меня. — Ладно, Дейна. Считай, что убедила. Но я за тобой слежу, имей в виду. Не смей ударяться в панику, ты прекрасно играешь.

Я демонстративно закатила глаза. Эри, оказывается, подумала, что я нервничаю накануне выступления и собираюсь позорно сбежать. Что ж, об этом она могла не беспокоиться. Сбежать я уж точно не собиралась, а платье... без платья можно и обойтись.

После обеда я должна была идти к ректору и снова заниматься личными делами.

Его помощница Майна была, как всегда, неизменно вежлива, но я заметила, что почему-то ей не нравлюсь. Она то и дело поджимала губы, пока открывала шкаф с делами, и бросала на меня непонятные взгляды. Вдохнув, я взяла пачку дел и уселась прямо на полу кабинета. Майна демонстративно встала в дверях. Этот ритуал повторялся уже в прошлую субботу, а потому я даже не стала ее ни о чем спрашивать. Через пару минут она ушла, но дверь все же не закрыла.

Работа была скучной, однообразной и пыльной. Я то и дело чихала, открывая папки столетней давности, которые едва не рассыпались на глазах. Просматривала дела, находила те, что были в совсем ужасном состоянии, делала копии, сортировала по годам, постепенно создавая упорядоченный и удобный каталог.

Мое внимание привлекла папка, почему-то находившаяся в стопке девяностолетней давности. Папка была не старой, очень аккуратной и довольно толстой. С нехорошим чувством я открыла ее и едва не вскрикнула.

Иллария Тогин, тысяча триста восьмидесятого года

рождения, тысяча четыреста десятого года смерти. Тридцать лет ей было. На портрете — красивая молодая рыжеволосая девушка с обаятельной улыбкой и шальными зелеными глазами. Настоящая ведьма. Лучшая студентка по итогам всех пяти лет обучения, победительница множества олимпиад и конкурсов, певица, занимала первые места на конкурсах красоты, занималась благотворительностью. Список ее наград и грамот можно было продолжать бесконечно, папка была настолько толстой, что едва завязывалась. Я смотрела на это лицо, которое не видела ни разу в своей жизни, и не могла оторвать взгляда.

Иллария...

Так вот как выглядела императрица, умершая девятнадцать лет назад. Умершая при родах, так и не увидевшая своего третьего ребенка.

Так выглядела мама.

Из кабинета ректора я вышла на неверных ногах. Петляя, прошла через библиотеку, столовую, открытый мост, соединявший практический и лекционный корпуса. Остановилась только у фонтана и осмелилась достать газетную вырезку, которую стащила из папки Илларии Тогин.

На портрете мама была изображена в красивом красном подвенечном платье, она улыбалась кому-то и протягивала руку, очевидно, для кольца.

«В среде выпускница Риверского магического университета Иллария Тогин сочеталась браком с Его Императорским Величеством Сертаном XV. Свадьба состоялась в узком кругу родственников и приближенных вельмож, а после церемонии новая императрица приветствовала свой народ. Напоминаем, что Иллария Тогин, ныне Ее Императорское Величество Иллария, происходит из древнего рода Тогоинов, почти утратившего магическую силу. Этот союз, как надеются придворные маги, позволит возродить древние традиции магии и вернуть Тогоинам часть могущества. Как стало известно, предсказатели пророчат императорской чете двоих детей».

Мне очень хотелось выбросить статейку, но я почему-то свернула листок и убрала во внутренний карман пиджака. Я ненавидела их всех: императора, безвременно почившую императрицу, этих двоих детей, напроороченных Старейшинами. Но нельзя было давать ярости выхода. Я просто сидела у фонтана, смотрела на сгущающиеся сумерки, опустив руку в холодную воду, и ни о чем не думала.

Ни о том, что придется выступать без платья на балу.

Ни о том, что скоро практика и проходить я ее буду в Богами забытой гостинице.

Ни о том, что с каждым днем я все чаще думаю о Кэдерне.

В комнату я вернулась совершенно измученная и сразу же завалилась спать, не думая о куче работы, что ждала меня на письменном столе.

Зато на следующий день, когда по логике я должна была спать, отдыхать и развлекаться (до конца учебы-то пять дней), я вскочила рано утром и тихо, чтобы не вызвать смеха Эри, отправилась на пробежку.

Я бегала очень нерегулярно. Раз пять в месяц, когда напряжение становилось совсем уж невыносимым. Обычно бегала по лесу; стадионы не любила, там всегда присутствовал некий дух соперничества, вызывавший во мне отторжение.

А лес у нас был шикарный. Высокие сосенки, стройные березки, удобно протоптанные тропинки. Персонал университета каждые выходные расчищал прогулочные дорожки и посыпал солью беговые. Уж не знаю, почему лес не пользовался популярностью среди спортсменов, но я была этому лишь рада.

Хорошо бежать морозным утром — а в кои-то веки оно действительно было морозным — совершенно одной, дышать полной грудью и ни о чем не думать. Хорошо перепрыгивать через валуны, сворачивать на узенькие тропинки, петлять, зная, что заблудиться невозможно. Хорошо напиться у родника, размяться как следует и, скинув одежду, под покровом утренней темноты окунуться в го-

рячий источник, скрытый от посторонних глаз за большими замшелыми камнями.

Территория Риверского магического университета считалась местом заповедным, можно сказать, священным. Здесь почти не водилось животных, но природа была уникальной. «Северный юг» — так называли наш край писатели и поэты. Действительно, вопреки мягкому и теплому морскому климату, растительный и животный мир больше соответствовал северным районам, нежели южным. Горячие источники тому подтверждение.

Я размялась в воде, чувствуя, как потихоньку просыпается организм, как отдыхает после пробежки тело. Волосы я старалась не мочить, чтобы не простыть накануне бала, хотя, должна признаться, это было бы самым замечательным оправданием моему отказу...

Голоса я услышала не сразу, а лишь перестав плескаться. Они звучали еще далеко, но явно приближались. Черт! Кому в голову пришло столь рано прогуливаться? И почему именно у источников? В них обычно не купаются. По крайней мере, не зимой. Мало у кого здоровья хватит.

Я спряталась за камнями, впрочем понимая, что если разговаривающие постараются, то заметят меня без особых проблем. А уж когда они вышли из зарослей, я и во все упала духом: это был Смиль и двое его дружков.

— Я видел, она сюда забежала, — сказал один, самый рослый.

— Хорошо бы это было правдой, Игнет, — прищурился Смиль. — Иначе ты у меня всю жизнь будешь в помощниках магов водиться. А то и в циркачах. Будешь дешевые трюки всякому отребью показывать.

— Смиль, — подал голос третий, кажется, Луван с третьего курса, — а она драться не будет?

— После того, как понюхает это, — Смиль достал из кармана плаща небольшую бутылку с жидкостью болотного цвета, — она будет очень послушной.

Я вжалась в камни, стараясь даже не дышать. Сейчас

он прикажет им обойти источник, и меня, естественно, обнаружат. А бесшумно вылезти и удрать я не смогу.

Нужно было разбудить Эри и сказать ей, куда я иду и во сколько вернусь.

Я прикинула. Хватятся меня только часа через четыре, когда проснется Эри и увидит записку, что я ушла бегать. Она, конечно, удивится, похихикает, потом сходит на завтрак, и только когда поймет, что меня нет с самого утра, забеспокоится. Да и неизвестно, куда пойдет искать. То ли в мой любимый сквер, то ли сюда...

Положение было не самым лучшим. Смиль наверняка уже понял, что я где-то прячусь, а значит, живой меня они не отпустят. А что, хорошая легенда — ушла рано утром купаться, утонула. Молодцы ребята. А я... дура я набитая, как меня только Боги терпят.

— Здесь она, никуда не успела бы сбежать. — Игнет сплюнул на землю. — Сормат! Выходи, мы хотим играть!

— Тише, — одернул его Луван. — весь универ сбежит-ся. Не можешь молча, что ли?

— С Сормат? Молча? Я бы посмотрел, как ты будешь молчать, когда эта девица станет шелковой.

— Вот когда станет, тогда и разберемся, — буркнул в ответ Игнет.

— Заткнитесь оба, — прошипел Смиль, — и ищите девушку!

А чего меня искать? Я — вот она, спряталась за камушком, жду, когда ты, милый друг, ближе подойдешь.

Сдаваться я не собиралась. В чем-то мне даже нравилась эта ситуация, не надо было ждать повода, чтобы поквитаться со Смилем за контрольную. А выяснить, почему этот прожигатель жизни и магии меня невлюбил, я всегда успею. Если он, конечно, живой отсюда уйдет.

Я знала, что на дне много камней. Правда, они все были основательно отшлифованы водой, ни одного острого краешка у них не было. Но я все же нырнула, постаравшись сделать это как можно тише. Схватив три камня — по одному на каждого, я начала выплывать, помня о том, что эти уроды где-то рядом. Как бы мне ни хотелось

резко вынырнуть и вдохнуть много чистого лесного воздуха, я держалась до последнего и, лишь когда убедилась, что меня никто не увидит, всплыла.

Они обходили противоположный край источника, заглядывая за камни, и меня пока не видели.

Камни были небольшие, но увесистые. Я прикинула, с какого расстояния могу кинуть их. Получалось, что незамеченной остаться не удастся.

— Ага! — прямо над ухом раздался радостный вопль.

От неожиданности я вздрогнула и... да, я выронила камни. Дура набитая.

— Смиль! Игнет! — надрывался Луван. — Я ее нашел!

Оставалась одна надежда: что и нас кто-нибудь найдет благодаря его воплям.

Впрочем, вскоре появилась и другая.

Я ловко увернулась от руки парня, который норovil схватить за волосы, и поплыла к центру источника. Шанс, конечно, мал, но не придет же им в голову плавать в такой мороз? А я ничего, закаленная, минут двадцать выдержу. Орать буду — дайте Боги!

— Сормат, — гаденько так усмехнулся Смиль, — вылезай.

Не вдохновило.

— Мы поиграем и отпустим.

— Мм, — протянула я. — Нет, спасибо. Нет настроения для игр.

— Да я тебе сейчас одну штучку понюхать дам, настроение и появится.

— Смиль, каким бы ни был твой парфюм, ты себе льстишь, — хмыкнула я.

Парень нахмурился. Его лицо даже стало красным от злости.

— Думаешь, я не смогу тебя там достать? — спросил он, расстегивая пальто. — Ты, Сормат, самая настоящая дура. Решай, пока я раздеваюсь. Либо выходишь добровольно, и все получаем удовольствие, либо я достаю тебя там... и первый твой опыт будет весьма болезненным.